

11.07.2002

Пельш Валдис

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
11 июля 2002

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

СТРАШНЕЕ ВЫСОТЫ И ГЛУБИНЫ
МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО НАЧАЛЬСТВОПОДНЕБЕСНАЯ
ВАЛДИСА ПЕЛЬША

«Друзья мои, вы на самом деле приехали как нельзя кстати. Час назад я вывихнул руку, с чем вас, собственно, и поздравляю. Поэтому будем общаться», — Валдис Пельш потирает ушибленную кисть и понуро направляется в местное кафе. Чтобы поговорить с самым эмоциональным ведущим нашего ТВ, мы разыскали аэродром Ступино — там Валдис почти каждые выходные совершает парашютные прыжки. Этот был 129-й.

— Только вот с пивом и бутербродами меня не надо, пожалуйста, запечатлеть. Это излишество, — Пельш хмуро смеряет взглядом фотографа.

— Почему парашюты?

— Потому что я очень боюсь высоты. Честно. Оказывается, в жизни Валдис боится четырех вещей — высоты, воды, змей и начальства. Он одним из первых прыгнул с тарзанки в Москве...

— Я тогда все проклял. После этого прыгал, конечно, еще раз восемьдесят, но первое впечатление — эта доля секунды, когда понимаешь, что ты уже поехал... Страшная штука, я вам скажу!

Змей он просто старается не встречать. На одной церемонии на него, правда, навесили двадцатикилограммового питона.

— Ничего так, все равно что колбасу двадцатикилограммовую на шее носить. А так — боюсь.

Чтобы преодолеть боязнь воды, Валдис занимается дайвингом.

— А начальство...

— Так и напишите — начальства боюсь. Только этот страх, в отличие от страха высоты и глубины, не проходит (Смеется). Поэтому часто я с ним не общаюсь.

— Значит, прыгаете, чтобы перестать бояться?

— Этот страх не преодолеть. Он остается на уровне животных ощущений. Просто то удовольствие, которое ты получаешь от прыжка, несоизмеримо больше тех немногих негативных моментов, которые испытываешь, боясь высоты. Есть такие прыжки, когда у вертолета задние полусферы убраны, и парашютисты сидят, свесив ноги над землей. Сидишь себе на краю и ждешь своей очереди, а пространство все открытое. Так вот, все типа сидят расслабленные, общаются. Я нахожу трубу, мертвой хваткой в нее вцепляюсь и делаю вид, что я тоже этак легко болтаю с товарищами.

— Чувство полета реально описать?

— Нет. Ведь человеку в принципе несвойственно летать — это не его, не дано ему. Поэтому передать удовольствие, которое испытываешь от парения в воздухе, невозможно, да и бессмысленно. Тем более что на самом деле ты не паришь, а падаешь со скоростью 220-250 километров в час. А если перевернешься на голову — так вообще до 350 доходит. Мой рекорд — 320.

— Не боитесь разбиться?

— Я высоты боюсь. А так... Много, конечно, случаев... Недавно два парашютиста прыгали на десантных куполах, не справились и упали прямо на линии электропередач. Сгорели. Вообще статистика печальная: за прошлый год погибли 17 российских ребят. А в США два парашютиста летели навстречу друг другу со скоростью 600 километров. Должны были разойтись, но кто-то ошибся, и в результате столкнулись. Один погиб сразу, но при этом головой срезал, как ножом, ногу другому. Тот остался жив, без ноги. Прыгает до сих пор. На самом деле, есть хорошая фраза на этот счет...

Валдис просит подняться своего друга. У него на комбинезоне написано: «Если вы читаете эту надпись, немедленно вызовите скорую помощь, потому что я — скай-давер и падаю

вниз головой без парашюта».

— То есть раз вы читаете, значит, он вверх ногами торчит в земле. Вот так. (Смеется) С юмором надо относиться.

— То же и с дайвингом?

— Абсолютно. Если вы не ныряли на коралловых островах, где рыбу еще не распугали, и она плавает вокруг... Вам не понять. Это еще что. Вот в октябре предлагают мне поехать на Панаму — там акулы хорошие и королевские манты (гигантские скаты). У манта размах крыльев до шести метров, они абсолютно безобидные, на них кататься можно. Только в шторм у них забава такая есть — выпрыгивать на волне и плашмя падать на воду. Попасть под манти в такой момент нежелательно. Вас просто расщепит — у них вес больше тонны.

От рассказов о парашютах и аква-лангах Валдиса оторвать невозможно. На протяжении

всего разговора он радостно восклицал при виде парящих в воздухе друзей: «О, какая формация пошла!», «А этот час как на попу плюхнется!» или «Петрович, береги мой купол!».

Решили начать с детства. В детстве Валдис был приличным латышским мальчиком. Учился во французской спецшколе. Окончил, кстати, с тремя тройками.

— Французский-то хорошо знаете?

— Нет. Хотя в школе несколько предметов даже преподавали на френче — машинопись, литературу. Но... Я, наверное, что-то упустил в обучении, потому что слишком быстро забыл язык. То есть, приезжая во Францию, я его очень легко вспоминаю в так называемой говорящей среде. Но покидая ее, так же легко и забываю.

— Ваша речь — наследие филологического образования?

— Отчасти да. Скучно общаться на бытовом языке, тем более что есть ряд терминов, которые довольно точно отображают то, что вы хотите сказать: «детерминанта», «дефиниция» и даже «казуальность» (что на самом деле есть случайность). Я их употребляю не ради самоутверждения или чтобы попонтовать. Проще мысль выразить.

— Если общаетесь с человеком, который не понимает этих слов, что делаете?

— Объясняю. Было много смешных случаев. (Смеется). Допустим, с девушкой встретились за завтраком на одном из островов. Я ей жалуюсь: «Удивительная ситуация, ни в одном отеле мира невозможно добиться утреннего кофе! Всегда разливают полную бурду! Ведь это же нонсенс!» Она переспрашивает: «Прости, я не поняла, что ты сказал?» Я говорю: «Удивительная вещь...» — «Нет, что было последнее?»

После этого вопроса Валдис умными словами сыпать перестал.

— Пятого июля вас на радио поздравляют с днем рождения, пятого июня тоже поздравляли. На самом-то деле когда?

— Пятого июня. Меня очень радует эта си-

туация: половина средств есть свои прелести, информации, не дослышав, поздравляет меня пятого июля. А вторая — июня. Тоже неплохо. Я их даже разочаровывать не пытаюсь — ощущение продленного праздника возникает.

— Вы боитесь кризиса среднего возраста?

— Я вообще-то нахожусь в нем. Ничего с этим не поделаешь, начинаешь осознавать, что тебе больше лет, чем хотелось бы.

— Что самое тяжелое в жизни?

— Не знаю. Наверное, я должен благодарить судьбу за то, что не пережил вещей, которые мог бы назвать тяжелыми. И не хотел бы.

— В школе хорошо учились?

— (Уверенно) Да!

— С тремя тройками аттестат...

— (Хитро) Да?... С двумя! Математика и французский. Да я уж не помню — давно было. В следующем году двадцать лет будет, как школу закончил. Запомняется только приятное же.

— Тогда о приятном. Однажды вас чуть не взяли в «Ералаш»...

— Ничего особенного. Просто в Латвии проводился отбор детей для съемок в тележурнале. Я прошел все три тура, до финала дошло человек пятнадцать. И сделали нам такое задание — задала сыграть сценку всего с тремя «козырными» ролями — водитель автобуса, безбилетный пассажир и контролер. Остальные дети получили роли пассажиров с билетами, как и я. Роль галимая, и ничего ты с ней не сделаешь. Я решил просто тянуть одеяло на себя. Сыграл пассажира, который принимает активнейшее участие в судьбе «зайца». Вышел на первый план. Все были в восторге. Правда, так это и заглохло — может, по типуажу не подошел.

— С Алексеем Кортневым вы подружились в театре МГУ?

— Да, пришли наниматься в один день — 13 сентября 83-го года. Тогда все и покатило.

— До сих пор друзья?

— Да. Бывали разногласия творческого порядка. Можем поссориться, послать друг друга... Потому что мне кажется, что лучше так, ему — по-другому. Потом миримся. Либо компромисс находим, либо просто приходим к выводу, что все это гроша выеденного не стоит. Я не оговорился, кстати — это мы с Лешей выражение такое придумали — «гроша выеденного» вместо «яйца».

— Подражаться не можете?

— (Улыбается) Было бы довольно болезненно для каждого из нас. Во-первых, у нас весовые категории приближаются к тяжелым. Во-вторых, я бы не хотел под Лешин удар попасть, но и сам мазануть могу очень сильно.

— Если у вас такая крепкая дружба, то почему прекратили совместную работу?

— А вот и нет! Только вам и по большому секрету. На самом деле мы с Лешей вынашиваем целый ряд совместных музыкальных проектов. Так что скоро вновь увидите меня в группе «Несчастный случай». И еще кое-что более масштабное забабахаем.

— Гражданином какой страны себя считаете?

— Ну, гражданин я России, хотя Латвия для меня не менее родная держава. И во времена всеобщего уныния на «Евровидении-2002» я был единственным членом жюри, который радовался победе Латвии.

— Любите больше Москву или Ригу?

— Вопрос из серии «Что вы предпочитаете — шоколад или бифштекс с кровью?» Да разные они. В

каждом городе есть свои прелести, и, к счастью, я не должен что-то выбирать... О, приземляется «дубок». Их еще зовут одноразовыми парашютистами. Где выбросили, там и упал... Во, так и я два часа назад прикузьмился... Жалко, теперь месяца полтора прыгать не буду.

— Машину хоть водить сможете?

— Да машина-то ладно — у меня с коробкой-автоматом.

— В следующем году сделаете юбилейный прыжок — стопятидесятый?

— (Почти по-детски грустно) Ну, я надеюсь, что еще в этом...

— Выхинутая рука — это самая сильная травма?

— Да, пожалуй. Один раз, правда, на голову приземлился: ветер сменил направление, и у меня купол сложился на высоте метра три. Полетел головой вперед. Шлем помог, было небольшое сотрясение мозга. А в прошлую субботу собирали очень красивую формацию — 14 человек. Я облажался — от чувства гордости за себя на подходе к кругу опустил руки — и бамс о шлем другого парашютиста. Такой фингал был!

— Домашние как к рискованному спорту относятся?

— А кто их спрашивает? «Дубки» благополучно приземлились. По рупору поздравили новичка с первым прыжком. Валдис радостно захопал: «Во, и меня так когда-то поздравляли!».

— В «Русской рулетке» тоже падать приходится...

— Ага, уже четыре раза.

— Страшно?

— Не-а.

Зная, что Валдис никогда не рассказывает секрет падения в бездну, невинно задаю наводящий вопрос:

— А что интереснее — с парашютом прыгнуть или в игре?

— (Лукаво) В силу того, что я не буду раскрывать вам технологию приземления в «Русской рулетке», смею вас уверить, что это гораздо проще, чем приземлиться на купол.

Попытка не удалась.

— Ну хоть когда-нибудь тайна будет обнародована-то?!

— У-у. Никогда. Пускай все думают, что там страшно и ужасно, что торчат куски арматуры и

В «Русской рулетке» участники падают в коллектор глубиной 150 метров, из которого торчат куски арматуры и битое стекло, и по мере наполнения его телами и появления специфического запаха мы вызываем специальную службу откачки останков игроков.

битое стекло. Коллектор глубиной сто пятьдесят метров, и по мере наполнения его битым телом и появления специфического запаха мы вызываем специальную службу откачки останков игроков.

— Водитель может упасть только в русской версии игры. Почему исключение в правилах сделали именно для нас?

— На самом деле, тут мы молодцы — добились поблажек с западной стороны. Обычно у них там с этим жестко и формат не меняют в принципе. А почему именно для нас... Публика просто другая, менталитет иной. Мы же не просто так это придумали. Не потому что захотела наша левая пятка, а на основе исследований.

— Русский зритель любит погорячее?

— Он любит немножечко иначе.

— Ни разу ни с кем ничего не случилось, когда падали?

— Я понимаю, все ждут несчастных случаев, истории о том, как упал осветительный прибор, пришиб игрока, осколки разлетелись по всей студии, троим выбило глаза, перерезало кабель, он упал на оператора, тот сгорел в головешки... Но при этом съемка не остановилась... Это очень смешно. Только не было такого, к счастью.

— Миллион реально выиграть?

— Да, абсолютно. В легкую, причем.

— А чего никто не выиграл до сих пор?

— Человек же стоит над пустотой, на нервы действует. Допустим, простейший вопрос: «Орден, который учредил Наполеон Бонапарт». Вариантов, кроме ордена Почетного легиона, не существует вообще. Соответственно, орден Подвязки, Бани или Спасенного сокровища — это ерунда. А игрок настолько волновался, что назвал орден Подвязки. Мы не ставим себе задачи зажать миллион. У нас даже в смету производства программы заложен этот отданный игроку миллион. Если его не выиграют, он нам все равно не отойдет. Мы готовы проиграть миллион. Приходите — берите! Не берут. Что за люди? — пожимает плечами.

— Свой канал любите?

— Да-а! Помните вопрос: «Чего вы боитесь?» (Улыбается).

— На другой смогли бы перейти?

— Все зависит от ситуации. Пришли бы ко мне с канала М-1, предложили бы много денег, сказали: «А иди, Валдис, к нам!». Не пошел бы. Потому что что такое первый национальный канал и что такое М-1.

— Вы — директор детского вещания. Когда разрабатываете программы, у дочки совета не спрашиваете?

— Это миф, что я чего-то там разрабатываю. На самом деле, сейчас создается компания, которая будет спонсировать и изобретать новые детские передачи для РТР и ОРТ.

— Вы как-то сказали, что дочери простили бы все...

— Я не обсуждаю любимых и близких. Слишком много больных людей вокруг...

— Даже хорошее что-то не вспомните?

— Не-а. А прочту не то в вашей газете — несладко вам придется! Будете моими врагами. Уж если я даже «Экспресс-газету» перевоспитал!.. Был в прошлом году музыкальный фестиваль в городе Ханты-Мансийске. И мы жили в одном коттедже с Ванессой Мэй, я на первом этаже, она — на втором. Так «Экспресс-газета»

написала, что я воровато выходил утром из дома Ванессы Мэй, с которой у меня якобы был бурный роман. Я завтракать шел! И вовсе не воровато.

— Как перевоспитываете?

— А в интервью отказываю, и все. Был у меня период, когда с некоторыми изданиями напряглись отношения. Я тогда как раз им очень был нужен — а брал и показывал большую фигу! На самом деле о публичных людях зачем пишут? Чтобы прочли, что у них все плохо, они наркоманы, гомосексуалисты и уроды. А если у человека все хорошо, ничего, кроме злобы, вы к нему не испытываете! Потому что он, гад такой, не наркоман, не гомосексуалист и не урод.

— Нравится, когда на улицах узнают, в любви признаются?

— Это сопутствующая вещь, условия личности: «А-а-а, «Угадай мелодию пошел!» Если за рукав теребят, раздражает. А иногда говорят что-то дельное по поводу передачи, советуется.

— Подарки дарят...

— Не избалован. Было, правда, однажды — пожилая женщина подарила мне орден Святой Анны четвертой степени. Очень неожиданно. «Я, — говорит, — знаю, вы собираете, решила вот вам подарить».

— Сколько у вас в коллекции военных касок?

— Штук семьдесят, или побольше... А нет, меньше! Я тут одну меновую операцию совершил — отдал четыре за одну.

— А открьток с видами ночных городов?

— Вообще не считал уже давно. Амстердам и Стокгольм, кстати, очень смешные ночью.

— Приятно было с «Угадай мелодию» попасть в Книгу рекордов Гиннеса?

— Не знаю... Если б за это деньги платили, то, наверное, да — очень было бы приятно! (Смеется).

— Любимая музыкальная группа?

— Ой, не знаю... Вот формация пошла! (Отвлекся). Кстати, если не вовремя подойти к формации, ставишь в наказание ящик пива. Я ни разу не ставил! (Гордо).

— Человек для подражания?

— Фритюф Нансен.

— Кого из телеведущих уважаете?

— А у нас нет непрофессионалов на телевидении. Гуревич...

— Это потому что он когда-то предвосхитил вашу идею с передачей «Давай поспорим» и вышел с «Большим вопросом»?

— Он раньше просто успел. А так — на эту идею внимание обратили мы практически одновременно.

— Лучший розыгрыш в жизни?

— Да я часто этим занимаюсь. В течение этого интервью я мог вам вдуть три-четыре маховых байки, придуманных мною лично. И вы бы поверили!

— Например...

— Ну знаете, если я в советские времена смог убедить людей, что у нас в Латвии свои деньги и к нам нужно въезжать с визой, то сразу видно — разыгрывать я умею.

— Вы много зарабатываете?

— Достаточно.

— С акцентом сложно было бороться?

— Начнем с того, что у меня его никогда не было. Наличие акцента — это очередной розыгрыш, который мы с Лешей Кортневым придумали. У меня пала латыш, а мама русская, так что выговор чисто московский.

— Как вес сбрасываете?

— Не ем бутерброды с колбасой и не пью пиво, — говорит Валдис, аппетитно жуя бутерброд и запивая его пивом. — После семи стараюсь не кушать.

— Как отдыхаете?

— Ну уж не в кино... Ничего, кроме отвращения, к фильмам, которые видел в последнее время, не испытываю. Недавно вышел на экраны фильм с Энтони Хопкинсом и Крисом Роком — «Плохие парни». От-вра-ти-тельнейшее кино, полный отстой (специально гнусавит). Фуфло, а не кино. Все?

— Все!

— Ура! Уболтался я с вами! — сообщил Валдис и пошел позировать.

«Красив, гад!» — лениво потягиваясь, процедил сидящий рядом парашютист.

Встречалась Ника ДРАБКИНА

